

А. О. КЛЮЧЕРОВА

*(Московский педагогический государственный университет,
г. Москва)*

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ МЕТАФОР А. С. ГРИНА

Аннотация. В данной статье метафоры А. С. Грина анализируются с точки зрения психолингвистики. Подробно рассматриваются различные типы синестетических метафор в произведениях этого автора. При этом особое внимание уделяется влиянию метафор А. С. Грина на развитие читательской эмпатии, а также их способности обеспечивать целостное восприятие художественного текста, в котором названные изобразительно-выразительные средства выполняют различные функции: смыслообразующую, текстообразующую, композиционную и др. Кроме того, метафора исследуется и как средство создания психологического портрета персонажа, характеристики его душевного состояния, и как «ключ к внутреннему миру героя». Также в работе подчёркивается значимость анализа метафор А. С. Грина, позволяющих судить об особенностях мышления и некоторых личностных установках автора, с позиций психологии творчества.

Ключевые слова: метафора, психолингвистический аспект, метафорическая конструкция, синестезия, эмпатия, синестетическая метафора, мышление, чувства, текстообразующая функция, смыслообразование, русская литература.

Очевидно, что построение любой метафорической конструкции осуществляется посредством мыслительных операций: мы подбираем нужные слова и «облекаем» в них метафоры. Дж. Лакофф и М. Джонсон в книге «Метафоры, которыми мы живём», пишут о том, как метафора структурирует мышление, и о зависимости картины мира и поступков человека от метафор, которыми он мыслит. Значит, мышление и метафоры, возникшие в результате этого процесса и постоянно присутствующие в человеческом сознании, влияют друг на друга. Тем не менее, в основе метафоры всегда лежит образ, создание которого немыс-

лимо без участия чувств, как высших, так и низших. И именно им обязана своим зарождением любая метафора. Суть метафоры, по словам основателей когнитивной теории метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, – это «понимание и переживание сущности одного вида в терминах сущности другого вида» [Лакофф, Джонсон 2004: 27]. И слово «переживание» в данном определении не менее важно, чем «понимание».

Когда мы не создаём, а только воспринимаем чью-то метафору, включаются те же механизмы, что задействованы и при её порождении, только в другом порядке: при помощи мыслительных операций мы распознаём метафору, но вполне понимаем, только когда переводим её на чувственный план. Следовательно, мы можем говорить о тесной взаимосвязи и взаимовлиянии мыслей и чувств при создании и распознавании метафоры.

Идея этой взаимосвязи присутствует и в объёмной метафорической конструкции из «Бегущей по волнам» А.С. Грина: *А над гаванью – в стране стран, в пустынях и лесах сердца, в небесах мыслей – сверкает Несбывшееся – таинственный и чудный олень вечной охоты* [Грин 1994 т. 4: 13]. Остановимся на этом отрывке.

Несмотря на то, что в начале предложения дано, казалось бы, вполне определённое указание на «местоположение» *Несбывшегося* в реальном мире (*над гаванью*), из далее следующего контекста, благодаря цепочке последовательно нанизанных друг на друга метафор, читатель понимает, что речь в данном тексте идёт вовсе не о реальном, а о внутреннем мире героя. Именно в нём и существует *Несбывшееся*. Посредством метафоры *страна стран* внутренний мир осмысливается как самая главная, самая важная для человека страна. В этой стране гармонично соединены ментальное и чувственное, на что указывают метафоры *в пустынях и лесах сердца, в небесах мыслей*. Кроме того, в этих двух метафорах содержится и пространственное противопоставление *верх* (небеса) – *низ* (пустыни и леса). Вероятно, оно выражает авторскую мысль о том, что если мысли человека могут «витать в облаках», то чувства, метафорой которых является слово «сердце», как бы возвышенны они ни были, не способны полностью «оторваться» от земного, так как в их основе всегда

лежит реакция человека на события, происходящие в реальном мире.

Именно потому, что порождение и восприятие метафоры связаны с работой органов чувств, реагирующих на сигналы внешнего мира, её рассматривают как психофизическое явление.

В современной науке существует такое понятие, как **«синестетическая метафора»**. В психологии синестезия – это одновременное восприятие или способность человека при раздражении одного из органов чувств испытывать ощущения, свойственные другому [Experimental Psychic. Синестезия: Электронный ресурс]. Различают слуховую, зрительную, вкусовую синестезию и прочие её типы, в том числе комбинированный. По мнению В. П. Белянина, синестезия есть «универсальная форма доязыковой категоризации, обеспечивающая обобщения на уровне организма» [Белянин 2000: 84]. С лингвистической точки зрения синестезия – это «употребление слова, значение которого связано с одним органом чувств, в значении, относящемся к другому органу чувств» [Григорьева 2004: 23–24]. Основанные на синтезе ощущений, синестетические метафоры отражают комплексный характер восприятия окружающего мира в его единстве и гармонии. Они присутствуют и в нашей повседневной речи: *кричащие тона, мягкий свет*. Но наиболее ярко синестезия проявляется в индивидуально-авторских метафорических конструкциях. В произведениях А. С. Грина синестетические метафоры – одни из наиболее употребительных, излюбленных писателем. Например, в нижеприведённом отрывке из романа «Блестящий мир» они употребляются трижды:

*Уже по внешности обычно-спокойная, она рассматривала его лицо; остановилась на беспечной линии рта, решительном выражении подбородка, темных усах, массивном лбе, полном **высокой тяжести**, и заглянула в глаза, где, темнея и плавясь, стояло недоступное пониманию. Тогда, во время не большее, чем разрыв волоска, все веяния и эхо сказок, которым всегда отдаём мы некую часть нашего существа, – вдруг, с убедительностью близкого крика глянули ей в лицо из страны райских*

цветов, разукрашенной ангелами и феями, – *хором глаз, прекрасных и нежных* [Грин 1993 т. 2: 42].

Так как в лексическом значении прилагательного *массивный* содержится компонент «тяжесть», данное определение к существительному «лоб» является метафорическим эпитетом. Дальнейшее развёртывание метафоры (*полном высокой тяжести*) только подтверждает эту мысль. *Высокая тяжесть* – это думы главного героя, Друда, которые возвышенны, но тяжелы, потому что думы эти – о судьбах мира. Таким образом, перед нами состоящая из двух метафорических конструкций развёрнутая синестетическая метафора: воспринимаемое органами зрения передается как тактильное ощущение (тяжесть). Следовательно, налицо проявление осязательной синестезии.

В метафоре *хор глаз* отразилась слуховая синестезия (зрительное ощущение описывается как слуховое, благодаря лексеме *хор*). Между тем все рассмотренные нами метафоры используются автором с целью создать портрет Друда (в том числе и даже в большей степени – психологический) и в то же время – передать то впечатление, какое произвёл Друд на Руну – героиню романа.

Вот ещё примеры использования А. С. Грином синестетических метафор:

Странный, резкий и яркий, как блеск молнии, аромат коснулся моего сердца... (зрительная синестезия – А.К.) [Грин 1994 т. 4: 571]; *Дей, мягко улыбаясь* (осязательная синестезия – А.К.), *продолжал ровным, весёлым голосом...* (зрительная и осязательная синестезия одновременно – А.К.) [Грин 1994 т. 4: 504]; *Дом стоял в нижнем конце улицы, близ гавани, за доком, – место корабельного хлама и тишины, нарушаемой, не слишком назойливо, смягченным, по расстоянию, зыком портового дня* (осязательная синестезия – А.К.); *То был грузный человек с лицом кавалериста и тихими, вытолкнутыми на собеседника голубыми глазами* (слуховая синестезия – А.К.) [Грин 1994 т. 4: 6]; *Он засмеялся, но смех был нестерпимо пронзителен* (осязательная синестезия – А.К.) *и фальшив, и все содрогнулись, увидев глаза хозяина; Раздался сухой треск* (осязательная синестезия –

А.К.), и чёрный кружок рассыпался на мелкие куски [Грин 1994 т. 4: 509].

Как видно из приведённых примеров, при построении метафор А. С. Грин обращается к различным видам синестезии – слуховой, зрительной, осязательной, но последний её тип наиболее распространён в творчестве этого автора. Именно благодаря осязательной синестезии читатель может глубже прочувствовать метафору: образы, лежащие в её основе, словно касаются его, «проходят» через него.

Таким образом, метафора способствует развитию **читательской эмпатии** (эмпатия – «осознанное понимание внутреннего мира или эмоционального состояния другого человека» [Глоссарий. Психологический словарь: Электронный ресурс]. Так, по мнению А. К. Михальской, метафора – «основное средство изображения душевной, духовной, эмоциональной жизни человека, «ненаблюдаемых миров» его внутренних переживаний» [Михальская 2007: 245]. Можно сказать, что метафора – «ключ» к внутреннему миру персонажа. Например, в рассказе «Новогодний праздник отца и маленькой дочери» А. С. Грин при помощи выделенных метафор показывает, что значила для учёного Эгмонда Дрэпа его научная работа, которой он посвятил пятнадцать лет жизни: *Для него была подобна она радуге, скрытой пока туманом напряженного творчества, или же видел он её в образе золотой цепи, связывающей берега бездны; ещё представлял он её громом и вихрем, сеющим истину. Он и она были одно* [Грин 1994 т. 4: 565].

И, когда дочь учёного по неосторожности сжигает плоды его многолетнего труда, автор описывает душевное состояние героя посредством развёрнутой метафоры: *Мрак хватил его по лицу и вырвал сердце* [Грин 1994 т. 4: 567].

Частое употребление метафор в прозе А. С. Грина, вероятно, связано со способностью метафоры фиксировать в художественном тексте **доминантную эстетическую эмоцию**. Так, разочарование в муже и обида, вызванная его изменой, в рассказе «Ксения Турпанова» находят выражение в развёрнутом метафорическом описании глаз главной героини: *Но говоря это, он чувствовал, что обращается к чужой, случайно зашедшей сюда*

женщине, пристальные, отталкивающие его глаза жены (осязательная синестетическая метафора – А.К.) были теми новыми глазами человека, которыми он смотрит раз в жизни и, осмыслив её по-новому, умирает верно, просто и стремительно для всех, кроме себя [Грин 1994 т. 4: 412].

Кроме того, данная метафорическая конструкция не только передаёт целостное восприятие мира (как это делает синестетическая метафора), но и способствует целостному восприятию текста. Ведь, слушая или читая текст, мы постигаем его смысл, не вычлняя значения отдельных языковых единиц, но воспринимая текст полностью, как сложное единство. Метафора, сочетающая и преобразующая смыслы сразу нескольких слов, участвует в процессе **смыслообразования**.

Приведённая объёмная метафора одновременно организует текст внутренне – на смысловом уровне и внешне – на уровне грамматики. Следовательно, метафора в прозе А. С. Грина выполняет и **текстообразующую функцию**. Безусловно, гриновской метафоре присущи все особенности, о которых пишет В. К. Харченко: «эффект текстообразования – это следствие таких особенностей метафорической информации, как панорамность образа, большая доля бессознательного в его структуре, плюрализм образных отражений» [Харченко 1992: 23–25].

Также метафора, опять же благодаря «зашифрованной» в ней доминантной эстетической эмоции, способна проникать на самый главный уровень художественного текста – **идейно-тематический**. Так, в романе А. С. Грина «Дорога никуда» метафора заключает в себе основную мысль всего романа: *Что, милая, беззащитно сердце человеческое?! А защищённое – оно лишено света, и мало в нем горячих углей, не хватит даже, чтобы согреть руки* [Грин 1994 т. 5: 241].

В рассказе «Таинственная пластинка» ключевая метафора *цвет души* находится в сильной позиции – в конце произведения: *Но что бы это ни было – обман чувств или явление неоткрытого закона, я сохраню на память эту частицу; её цвет всегда будет напоминать о цвете души нашего милого хозяина, которого теперь так заботливо уводит полиция!* [Грин 1994 т. 4: 509]. Если учесть, что упомянутая в отрывке «частица» – ку-

сочек разбившейся *чёрной* пластинки, то смысл выделенной метафоры станет понятен. По сюжету, именно эта пластинка помогает разоблачить убийцу. Нельзя не отметить также, что данное словосочетание благодаря своей переключке со стёршейся языковой метафорой *чёрный замысел*, употреблённой в начале рассказа, является средством создания кольцевой композиции: *В тот вечер ничто в наружности Беневера не указывало на его чёрный замысел* [Грин 1994 т. 4: 505].

Следует отметить и оценочную функцию этих взаимодействующих метафор, ведь под словом *чёрный* подразумеваются низшие человеческие чувства – зависть, ненависть, злоба и т.д.

Безусловно, индивидуально-авторские метафоры представляют интерес и с точки зрения *психологии творчества*, ведь они помогают нам лучше понять и душевный мир их создателя. Так, являющийся метафорой афоризм А. С. Грина «*жизнь – это черновик выдумки*» [LiveLib: Электронный ресурс], на наш взгляд, даёт представление о том, как в сознании писателя соотносились действительность и его собственная реальность, и объясняет, почему в творчестве этого автора внутренняя жизнь героя – всегда на первом плане. Подчёркивая её значимость, А. С. Грин, подобно романтикам XIX столетия, уделявшим в своих произведениях особое внимание сну (сон в романтизме – символ истины [Грязнова 1996: 60]), также обращается к изображению изменённых состояний сознания – видений, бреда, помешательства и т.д., которые в романе «Блистающий мир» резонёр Грантом именуется «подлинными реальностями».

Таким образом, метафоры А. С. Грина (особенно синестетические, преимущественно осязательного типа) способствуют развитию читательской эмпатии; выполняя в произведении множество функций, помогают воспринимать текст как сложное единство, а также дают представление о некоторых психологических особенностях и взглядах их создателя.

ЛИТЕРАТУРА

Белянин В. П. Введение в психолингвистику. – М., 2000.

Григорьева О. Н. Цвет и запах власти. Лексика чувственного восприятия в публицистическом и художественном текстах. – М., 2004.

Грин А. С. Собр. соч.: В 6 т. – Екатеринбург, 1993–1994.

Грязнова А. Т. Русская романтическая сказка («Городок в табакерке» В. Ф. Одоевского) // Русский язык в школе. 1996. № 6.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём. – М., 2004.

Михальская А. К. Русский язык: Риторика. 10–11 классы. – М., 2007.

Харченко В. К. Функции метафоры. – Воронеж, 1992.

Experimental Psychic. Синестезия [Электронный ресурс]. – <https://experimental-psychic.ru/sinestezia/>

Глоссарий. Психологический словарь [Электронный ресурс]. – <http://www.psychologies.ru/glossary/27/empatiya/>

LiveLib [Электронный ресурс]. – <https://www.livelib.ru/quote/570290-aleksandr-grin-aleksej-varlamov>

©Ключерова А.О., 2017